

РЕЦЕНЗИИ

Кротовская Я. А., Кашкуревич Л. Г. Учебник польского языка. М.: Высш. шк., 1987. 403 с.

Как известно, существуют два основных типа учебников для изучения иностранного языка. Первый – назовем его универсальным – предназначен для определенного адресата, в для всех интересующихся, независимо от их родного языка. Такие учебники основаны на принципах так наз. непосредственного метода, исключающего родной язык из процесса обучения. Метаязык (грамматическо-лексический комментарий) и предметный язык в этих учебниках тождественны (Griebach H., D. Schulc: Deutsche Sprachlehre fuer Auslaender. Muenchen: Hueber, 1967; Bartnicka B., M. Jurkowski, W. Jekiel c.a.: Uczymy się polskiego. Warszawa, 1984 и др.).

Вторым видом пособий являются двуязычные учебники. Информация о грамматических правилах изучаемого языка формулируется в них на родном языке студента; вместо семантических парафраз в объяснении значений можно прибегать к лексическим эквивалентам в обоих языках. Теоретическим основанием для таких разработок являются идеи когнитивного метода – метода осмысленного освоения языкового кода¹.

Примером учебника этого второго типа является „Учебник польского языка“ Я. А. Кротовской и Л. Г. Кашкуревича, предназначенный для студентов гуманитарных факультетов советских вузов. Такие учебники, как этот, требуют от их авторов идеального двуязычия и знания двух культур. Владея такой двойной компетенцией, автор в состоянии сделать соответствующий анализ изучаемого языка посредством сопоставления с родным языком студента. Указывая на различия – что особенно важно в случае родственных языков – можно предвидеть возможные, но не желаемые в дидактическом процессе языковые интерференции.

При таком типе обучения быстро обнаруживается, что языковые различия не сводятся к различиям в грамматической и лексической систематике. Язык – это не только грамматика и словарный инвентарь. Язык – это его употребление, это целая богатая область прагматики, находящейся между говорящим, слушающим и языковым знаком. В языковой прагматике отражается культура данного народа. Знание ее для учителя не менее важно, чем обладание языковой системой. Речь идет не только о таких вопросах, как подбор художественных текстов для чтения и нужного минимума страноведческих знаний (нем. *Landeskunde*). Дело касается главным образом самих языковых инструментов, способов употребления некоторых оборотов, ситуаций, которым сопутствуют определенные акты речи, знания эмоциональных и стилистических качеств слов, которых иноязычные эквиваленты могут не иметь (ср. польск. *pał* и *towarzysz* и рус. *пан* и *товарищ* – в польском

¹ Указанное выше распределение глоттодидактических методов не исключает, конечно, когнитивной концепции одноязычного учебника. Зато труднее представить себе непосредственный метод в двуязычном учебнике.

языке слово *rap* в настоящее время лишено какой-либо маркированности, в то время как *tomasz* стилистически не является нейтральным; упоминание этого слова ограничено партийной средой).

«Учебник польского языка» Я. А. Кротовской и Л. Г. Кашкуревича, без сомнения, свидетельствует о большом дидактическом опыте авторов. Пособие состоит из двух курсов: начального (15 уроков – фонетика с элементами грамматики) и основного (32 урока). Книгу дополняют приложения: после первой части – «Орфография», после второй – «Грамматика» (морфология и синтаксис). Интересно, что по мере обогащения материала (и предполагаемых языковых знаний студента) русский языковой комментарий уступает место польскому, который в этой функции постепенно вытесняет родной язык студента. Итак, орфографические правила сформулированы на русском языке, заключающая же книгу грамматическая информация дается уже только на польском.

Грамматическая информация, вообще вещь ценная сама по себе, в дидактических разработках, однако, обычно не несет ничего нового. По сравнению с теоретическими достижениями школьное языкознание (в широком смысле) в некоторой степени всегда консервативно. Так обстоит дело и с рецензируемым изданием. Авторы принимают традиционное описание склонения и спряжения, даже еще более упрощенное, чем и так далекое от адекватности традиционное понимание. Напр., система склонения сводится к склонению существительных мужского рода, среднего, женского на гласный и женского на согласный; дополнительно авторы вспоминают о „*twardym i miękkim wzorze*”² внутри первых трех типов и о семантических оппозициях: существительные одушевленные/неодушевленные, лично-мужские/нелично-мужские (к обоим оппозициям отношение одинаково, хотя вторая, как исключительно польская, чуждая русскому языку, должна быть представлена шире).

Нельзя предъявлять авторам претензии относительно консерватизма и сокращений в описании, продиктованных дидактическими целями. Руководствуясь последними, следовало бы, однако, отказаться от некоторой информации „на вырост”. Напр., нет надобности возрождения не употребляемого уже сегодня давно-прошедшего времени (с. 366). Оно является архаизмом наравне с такими архаическими языковыми средствами, как краткие формы прилагательных типа *zdrów, wesół* (с. 351). Хотя можно встретить эти формы и конструкции в текстах, особенно при предполагаемом контакте с языком авторов XIX в., однако нет абсолютно никакой дидактической потребности актуализировать подобные правила как активные. Современные полики не умеют образовывать форм давнопрошедшего времени и не используют прилагательных типа *wesół* (наоборот, используется форма предикатива **warty* – неправильная! – *вм.* единственно допустимой: *wart!*)

Обращение внимания на маргинальное явление польской грамматики, каким является существование кратких форм прилагательных, можно объяснить иной языковой перспективой авторов учебника. Также „на вырост” (в *ед.* и *мн.* числе) даются образцы склонения фамилий. Как собственные имена фамилии очень редко употребляются во *мн.* числе (особенно женские³, такие как *Konopnicka* или *Orzeszkowa*; кстати, при последней дается ошибочная форма звательного падежа вместо правильной: (*pani*) *Orzeszkowal* – с. 227). Поскольку речь идет о фамилиях, можно выразить неудовлетворенность, которую вызывают замечания по поводу

² Здесь лучше порядок: *wzór twardy i miękki*.

³ Мужские фамилии употребляются во множественном числе для называния супружеских пар – напр., *Lindowic, Kowalscy*.

склонения русских фамилий. Отсутствуют фамилии на -ов, в которых должна быть особенно подчеркнута форма дательного падежа (как доказательство можно привести пример ошибочной, хотя распространенной в польских средствах массовой информации формы *Gorbaczowi*, которую можно было услышать во время визита Генерального Секретаря ЦК КПСС в Польшу, вм. правильной: *Gorbaczowowi*).

Если, как в случае с фамилиями, авторы не хотели оставить пробелов в системе, последовательность требовала бы также изменения глаголов сослогательного наклонения в среднем роде (с. 238). Такие формы, как *czytałobyś*, *czytałobyś* и т. п. можно обнаружить, напр., в сказках.

Сложной грамматической проблемой являются формы глаголов с *się*, традиционно называемые возвратными. В настоящее время лингвисты неохотно говорят о возвратном залоге, так как частице *się* можно приписать много разных функций. Очень редко является ею так наз. возвратность. Стоит обратить внимание на отсутствии корреляции между соответствующими польскими и русскими глаголами (ср. *wracasz* – *возвращаться*, *zrobić się* – *опоздать*); в последующих изданиях лучше, однако, было бы отказаться от термина „возвратные глаголы”. Кстати: частица *się* используется для образования безличных форм. Основой такой формы является 3-е лицо ед. ч. (а не мн. число!) глагола – ср. „*od czasowników przechodnich tworzą się czasowniki zwrotne*” (с. 361) вм. *tworzy się*. Аналогично: „...*imiesłowu biernie tworzą się za pomocą przyrostków -ny/-, -ony/-, -ły/-...*” (с. 369)⁴.

В синтаксической части обоснованно много места уделяется таким вопросам, как порядок слов и строение сложного предложения. В этой языковой области особенно часты ошибочные интерференции, которых не избежали, к сожалению, даже сами авторы.

В целом грамматические указания являются в обсуждаемом учебнике очень полезным источником для учащихся, облегчают им дальнейшую самостоятельную учебу. Было бы еще лучше, если бы авторы в большей мере использовали возможность контрастивного анализа.

Обратим теперь внимание на тексты. Они двух видов: специально подготовленные для определенных дидактических целей и отрывки из художественной литературы. Эти последние являются очень разнообразными как по жанру (оригинальная польская поэзия и переводы выдающихся поэтов, фрагменты романов, рассказы, литература факта), так и по времени (от романтизма до современности). Эти тексты делают учебник более привлекательным. Однако вызывает сомнение, может ли начинающий студент справиться с архаизованной прозой Г. Сенкевича в „Крестоносцах”, являются ли вообще тексты XIX в. (стихи А. Мицкевича, Ю. Словацкого, проза Б. Пруса) хорошей основой для формирования языковых навыков в области современного польского языка? Такова ведь основная цель этого учебника.

И, наконец, тексты, специально подготовленные с целью усвоения грамматического материала. Трудно упрекать авторов в том, что их *dramatis personae* говорят довольно искусственным языком, что это не язык естественной коммуникации. Такова общепринятая дидактическая манера. Обучение иностранным языкам не направлено на разговорную речь, отсюда некоторая искусственность диалогов (ср. остроумный текст С. Гродзенской на эту тему под заглавием „*Rozmówki francuskie*” – с. 149). Диссонансом звучат тексты с конъюнктурным содержанием – напр., о металлургическом комбинате в Новой Хуте (с. 287) или текст „*Związek*

⁴ Аналогично часто встречаемая в грамматическом комментарии формулировка *mogą się wyrażać* должна иметь вид: *można wyrażać* или: *możę być wyrażane*.

Radziecki w okresie powojennym" (с. 252), в котором провозглашается сомнительный тезис о едином советском народе.

Не обошлось и без обычных языковых ошибок, которые в таком учебнике особенно нежелательны. Некоторые из них являются, несомненно, следствием невнимательной корректуры и допущены не по вине авторов – напр., с. 276: *trzydzieści* (вм.: *trzydzieśc*), с. 334; *paóšler* (вм.: *pa óšler*), на с. 376 должно быть: *szliŝmy naprzeciw słońcu* (а не: *słońca*, так как в примере речь идет о дательном падеже), на с. 305 читаем: "...i w autobusach już mi pan będzie mógł pomóc" – *sici* (из содержания следует, что должно быть: "...i w autobusach już mi pan nie będzie mógł pomóc").

Есть и более серьезные ошибки. Вот некоторые из них:

Основной текст последнего урока называется: "Ostatnie zajęcia" и начинается со слов профессора: "Dzisiejsze zajęcia jest ostatnie..." В то время как в значении дидактической единицы это слово не употребляется в единственном числе. Говорим: *Ostatnie zajęcia. Dzisiejsze zajęcia są ostatnie.*

На с. 97 читаем: "...z nimi idą państwo Lipińscy, które mieszka w Warszawie. Na święta przyjechali do Moskwy..." Слово *państwo* в значении супружеской пары, в котором оно употребляется в учебнике (пан Липински и пани Липинска), является семантическим *collectivum*, в состав которого входит мужчина. В таких случаях обязательно согласование не по формальным (формально *państwo* представляет собой форму ед. числа), а только по реально-семантическим признакам. Говорим: "...z nimi idą państwo Lipińscy, którzy mieszka w Warszawie. Na święta przyjechali do..."

На с. 318 находим предложение: "...na północy granica Polski przebiega po Morzu Bałtyckim..." Должно быть: "...wzdłuż Morza Bałtyckiego..."

В тексте на с. 310 – предложение: "Mają oni mieszkanie z sześciu pokoi, dużej kuchni i łazienki" (Mają oni mieszkanie sześciopokojowe z dużą kuchnią... или: Mają oni mieszkanie składające się z sześciu pokoi, dużej kuchni i łazienki). В этом же раскладе встречаем формулировку с ошибочно примененным предлогом: "...gospodarstwo na tak liczną rodzinę" (вм.: "...dla tak licznej rodziny"). Интерференция в сфере предлогов является, по-видимому, частным отклонением.

На с. 246 находим синтаксическую кальку: "...atmosfera domu rodzinnego czynnie zaangażowanego w działalność..." (вм.: w *działalność*).

Парадоксом является то, что фактические ошибки в таких учебниках играют второстепенную роль... Надо признать, что таких ошибок почти нет, кроме не очень точной статистики, определяющей число жителей Польши более чем в 38 млн (общая перепись, проведенная в конце 1983 г., показала, что до 38 млн не хватает свыше 100 тыс.). Однако читатель берет в руки такой учебник не для уточнения статистических данных.

Некоторые тексты дают основание для ложных presuppozycji. Напр., из рассказа о пребывании А. Мицкевича в России неосведомленный читатель может сделать вывод, что строки: "Litwo, odczuło toją..." возникли в России, а не много лет спустя в Париже (что, однако, важно, поскольку, как известно, "Пан Тадеуш" был последним поэтическим произведением А. Мицкевича; после него наступило молчание).

Забавное недоразумение вкралось в текст, приведенный на с. 210. Его герой "Chciał też kupić sobie buty, ale Halina powiedziała, że do zimy jeszcze daleko..." Из такой реплики поляк может понять, что, по мнению Халины, летом люди ходят босиком. Существительное *buty* характеризуется широким семантическим объемом и означает не только зимнюю обувь (зимними сапогами могут быть *trzewiki*, *botki* или *kozaczki*).

Высказанные выше критические замечания, по мнению рецензента, никак не

уменьшают высокой оценки достоинств учебника, издание которого привлекательно и по оформлению, и, несомненно, представляет собой ценное и разнообразное пособие как для преподавателя, так и для студента. Учебник может быть успешно использован и при самостоятельном изучении польского языка.

АЛИЦИЯ НАГУРКО

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.

Русские языковеды пополнились серьезным научным исследованием – Синтаксическим словарем, представляющим первое последовательно функциональное описание элементарных единиц синтаксиса, из которых строятся все другие, более сложные конструкции. Его автор – известный ученый, д-р филол. наук проф. Г. А. Золотова (АН СССР, Институт русского языка).

Необходимость и такого рода исследования возникла с того самого времени, когда ученые-синтаксисты обратились к семантике. Идея зависимости «правил построения синтаксических конструкций от лексико-семантических характеристик их компонентов стала очевидностью, уже не требующей доказательств, но требующей систематизации материала» (с. 4). Мы вполне разделяем точку зрения автора, что для понимания и осмысления синтаксического механизма языка необходим ответ на вопрос о том, в каких единицах, на каком уровне это взаимодействие осуществляется. В качестве такой единицы научно обоснованно выдвигается понятие синтаксемы как минимальной, далее неделимой семантико-синтаксической единицы русского языка, выступающей одновременно «как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных синтаксических построений», характеризующейся «определенным набором синтаксических функций» (с. 4). Различительными признаками синтаксемы автор считает: 1) категориально-семантическое значение слова, от которого она образована; 2) соответствующую морфологическую форму и 3) вытекающую из (1) и (2) способность синтаксически реализоваться в определенных позициях, а диапазон синтаксических потенций каждой синтаксемы определяется ее функциональными свойствами, принадлежностью к тому или иному функциональному типу (там же).

Рецензируемая книга состоит из Введения (с. 3–16), раздела «Как пользоваться словарем» (с. 17–21), 2-х основных частей: «Именные синтаксемы» (с. 22–345) и «Синтаксемы других частей речи (краткий обзор)» (с. 345–350), 5 приложений (с. 351–432), списка цитируемых авторов, перечня источников материала (словарей, газет и журналов), а также списка сокращений (с. 433–438).

Как уже отмечалось, в центре внимания исследователя – синтаксема – минимальная семантико-синтаксическая единица русского языка, выполняющая определенные синтаксические функции в составе всех моделей словосочетаний и предложений. Каждая синтаксическая конструкция может рассматриваться и в плане анализа, и в плане синтеза как определенная комбинация синтаксем. В связи с чем «Словарь может быть использован с точки зрения продуцирования, построения правильных предложений русского языка, и с точки зрения восприятия, понимания текста» (с. 17). Автор четко разграничивает три функциональных типа синтаксем: свободные (в Словаре они помещаются под букв.-й А), обусловленные (Б) и связанные (В), которые рассматриваются как синтез, как сумма, основанных на разграничении и противопоставлении трех основных возможностей, трех функций синтаксем: I. Самостоятельное, изолированное употребление единицы. II. Упо-